

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 113. «До угасанья звук продли»

Выпуск № 608

Мария Петровых

Неукротимую тревогой
Переполняется душа.
Тетради жаждущей не трогай,
Но вслушивайся не дыша:

Тебя заставит чья-то воля
Ходить от стула до стены,
Ты будешь чувствовать до боли
Пятно в луне и плеск волны,

Ты будешь любоваться тенью,
Отброшенную от стихов, –
Не человек и не смятенье:
Бог, повергающий богов.

Но за величие такое,
За счастье музыкою быть,
Ты не найдёшь себе покоя,
Не сможешь ничего любить, –

Ладони взвешивали слово,
Глаза следили смену строк...
С отчаяньем ты ждёшь бывшего
В негаданный нежданный срок,

А новый день беззвучен будет, –
Для сердца чужд, постыл для глаз,
И ночь наставшая забудет,
Что говорила в прошлый раз.

1931

Давид Самойлов

Всё реже думаю о том,
Кому понравлюсь, как понравлюсь.
Всё чаще думаю о том,
Куда пойду, куда направлюсь.

Пусть те, кто каменно-тверды,
Своим всезнанием гордятся.
Стою. Потеряны следы.
Куда пойти? Куда податься?

Где путь меж добротой и злобой?
И где граничат свет и тьма?
И где он, этот мир особый
Успокоенья и ума?

Когда обманчивая внешность
Обескураживает всех,
Где эти мужество и нежность,
Вернейшие из наших вех?

И нет священной злобы, нет,
Не может быть священной злобы.
Зачем, губительный стилет,
Тебе уподобляют слово!

Кто прикасается к словам,
Не должен прикасаться к стали.
На верность добрым божествам
Не надо клясться на кинжале!

Отдай кинжал тому, кто слаб,
Чьё слово лживо или слабо.
У нас иной и лад, и склад.
И всё. И большего не надо.

Лариса Миллер

Ну вот и мы внесли свои пожитки
В огромный дом, где было всё в избытке
Ещё до нас, где гибли и цвели,
В любви клялись и клятву нарушали,

Впадали в ересь, берегли скрижали
И верили, что лучшее вдали.
Но что нам тяжкий опыт всех веков
И знание иных тысячелетий,
Когда мы снова не находим слов
И немые, точно первые на свете,
Перед лицом и счастья, и утрат.
И в доме, что Овидий и Гораций
Воспели и оплакали стократ,
Как братья за перо? И как не братья?

1971

Выпуск № 443

Мария Петровых

Непоправимо белая страница...
Анна Ахматова

Пустыня... Замело следы
Кружение песка.
Предсмертный хрип: «Воды, воды...»
И – ни глотка.
В степных снегах буран завыл,
Летит со всех сторон.
Предсмертный хрип: «Не стало сил...» –
Пургою заметён.
Пустыни зной, метели свист,
И вдруг – жильё во мгле.
Но вот смертельно белый лист
На письменном столе...

1971

Лев Болеславский

Как хорошо, что вдруг запела,
Пусть тихо, хрипло, неумело,
Сбиваясь с ритма и дрожа
Над бедной рифмою избитой,

Твоя, восставшая из быта, –
Хоть в дни последние – душа.

Лариса Патракова

Голос свой слышу, Боже мой,
Из завтра ко мне влекомый,
Дыханием гроз умноженный,
Обугленным в горле комом.

Как плоти земной зачатие,
Как дальняя весть – откуда?
Расплата со мной за счастье,
Которого знать не буду...

И с моим дыханием согласно,
Из сегодня в завтра и обратно
Голос мой течёт рекою тихой...
Я стою на берегу и в воду
Косточки весёлые бросаю,
И на дне мне видно отраженье
Сада, где живет чудак – не меньше,
Для которого мой голос – память
О себе самом... А дальше – тайна.

Выпуск № 478

Анна Ахматова

Творчество

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встаёт один, всё победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,

Как по земле идёт с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

1936

Зинаида Миркина

Я только переводчик. Знали б вы,
Как мало мне отпущено свободы, –
Как будто ждёт лишение головы
За каждую неточность перевода.
Когда бы смерить, сколько нужно мне
Немого неотрывного вниманья,
Чтобы понять, что зреет в тишине
И что звучит в глубинах мирозданья!
И сколько нужно тайного труда,
Чтоб в слово превратить касанье Духа.
И то, что молча говорит звезда,
Доступным сделать для чьего-то слуха.
Когда б вы догадались, сколько зла
Скрывается в одной фальшивой ноте, –
Вы бросили бы все свои дела
И стали б помогать моей работе.

Выпуск № 851

Иннокентий Анненский

«Парки – бабье лепетанье»

Сонет

Я ночи знал. Мечта и труд
Их наполняли трепетаньем, –
Туда, к надлунным очертаньям,
Бывало, мысль они зовут.

Томя и нежа ожиданьем,
Они, бывало, промелькнут,
Как цепи розовых минут
Между запиской и свиданьем.

Но мая белого ночей
Давно страницы пожелтели...
Теперь я слышу у постели

Веретено, – и, как ручей,
Задавлен камнями обвала,
Оно уж лепет обрывало...

Лариса Патракова

Болезнь

Глаза, как в каменном провале
Расщелин древних. Лоб, как лёд,
И губ потушенное пламя,
И рук надломленный полёт,
И сон – один тяжелый камень –
Всё отзывается стихами
В бреду – на дне подземных вод.

Марина Цветаева

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал.
Бормот – сквозь жимолость – ста жил...
Радуйся же! – Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души – что вот уже: лбом в сон.
Ибо – зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» –
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь – жизнь.

1922

Выпуск № 931

Наталья Крандиевская

А я опять пишу о том,
О чём не говорят стихами,
О самом тайном и простом,
О том, чего боимся сами.

Судьба различна у стихов.
Мои обнажены до дрожи.
Они – как сброшенный покров,
Они – как родинка на коже.

Но кто-то губы освежит
Моей неутолённой жаждой,
Пока живая жизнь дрожит,
Распята в этой строчке каждой.

1935

Евгений Баратынский

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

1834

Лариса Миллер

Рожденье тайное стихов –
Как в зной спасительная влага,
Преображенье зла во благо
И отпущение грехов.
Бежит по телу холодок,
И губы слушаются плохо,
Произнося строку. И вздоха
Короче каждая из строк.
А над маячащей вдали
Концовкой венчиком – фермата,
Напоминая: пенье свято,
До угасанья звук продли.

1983

Выпуск № 1295

Александр Блок

*А.М.Д. своею кровью
Начертал он на щите.
Пушкин*

Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью – мальчик больной,
Странствуя, чертит фигурки
И призывает на бой.
Голос и дерзок и тонок,
Замысел – детски-высок.
Слабый и хилый ребёнок
В ручке несёт стебелёк.
Стебель вселенского дела
Гладит и кличет: «Молись!»
Вкруг исхудалого тела
Стебли цветов завились...

Вот поднимаются выше –
Скоро уйдут в небосвод...
Голос всё тише, всё тише...
Скоро заплачет – поймёт.

1903

Лариса Патракова

Я высекаю огонь.
Берег пустынен и дик.
Каменной скоро ладонь
Станет от потуг моих.

В море вливается ночь,
Звёзды мерцают на дне
И не приходит помочь
Тот, кто обещан был мне.

Скоро граниты в песок
Каменной дланью сотру...
И из-под пальцев, как сок,
Брызнул огонь поутру...

Зинаида Миркина

Я не знаю откуда, не знаю зачем,
Только клад в этой глине зарыт.
Потому изнутри озарён Вифлеем,
Потому это сердце горит.
Потому этот жар неумный во мне,
Даже в час, когда мир весь продрог.
Видно, чую, как Бог в мировой глубине
Негасимую свечку зажег.

Выпуск № 64

Лариса Патракова

Страшные тайны состарились вдруг,
Стали ненужными и неопасными:
Нежного имени пламенный звук –
Чередование гласных с согласными.

Всё отлетело: прощанья слова
Не успевали покрыться печалью...
Люди как страны и я там была
Коротко, пристально и изначально.

Старые тайны забытых имён,
Тайные знаки нездешних наречий –
Кто на забвенье обречён,
А кто ещё позовёт на встречу.

Мария Петровых

В минуту отчаянья

Весь век лишь слова ищешь ты,
Единственного слова.
Оно блеснёт из темноты
И вдруг погаснет снова.

Ты не найдёшь путей к нему
И не жалея об этом:
Оно не пересилит тьму,
Оно не станет светом.

Так позабудь о нём, пойми,
Что поиски напрасны,
Что всё равно людей с людьми
Оно сроднить не властно.

Зачем весь век в борьбе с собой
Ты расточаешь силы,
Когда замолкнет звук любой
Пред немотой могилы.

1958

Арсений Тарковский

из цикла «Пушкинские эпиграфы»

Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...
К ***

Как тот Кавказский Пленник в яме,
Из глины нищеты моей
И я неловкими руками
Лепил свистульки для детей.

Не испытав закала в печке,
Должно быть, вскоре на куски
Ломались козлики, овечки,
Верблюдики и петушки.

Бросали дети мне объедки,
Искусство жалкое ценя,
И в яму, как на зверя в клетке,
Смотрели сверху на меня.

Приспав сердечную тревогу,
Я забывал, что пела мать,
И научился понемногу
Мне чуждый лепет понимать.

Я смутно жил, но во спасенье
Души, изнывшей в полусне,
Как мимолётное виденье,
Опять явилась Муза мне,

И лестницу мне опустила,
И вывела на белый свет,
И леньность сердца мне простила,
Пусть хоть теперь, на склоне лет.

1976

Выпуск № 1186

Зинаида Миркина

Мы живём в толпе, в потоке,
Нас несёт водоворот,
А деревья одиноки,
Также как и небосвод.
И течёт, течёт в просторе,
Глубока и широка,
Отражающая зори
Одинокая река.
Что в её притихшем оке?
Кто глядит в речную гладь?
В мире только одинокий
Может Богу предстоять.
Нескончаем этот вечер,
Не погаснет свет в дали,
Сердце Бога – место встречи
Одиночеств всей Земли.

Лариса Патракова

Опять мне послышалась дальняя смутная весть:
В ней травы лелеют звериную ласку прибоя,
В ней жизнь настагает, колеблется, празднует, есть,
В ней строки и камни испытаны общей судьбою.

Без дела мой посох стоял две зимы и расцвёл:
Забрызгала небо орешника юная зелень,
Коня вороного соседский мальчишка увёл,
И мне только песня осталась в цветущем апреле.

Нет места живого на старой, бессонной земле,
И нет под рукой ни коня и ни чуткого древа...
Лишь камни сквозь ночь обречённо ответили мне
Моим виноватым, как сердцебиенье, напевом.

Выпуск № 516

Мария Петровых

Сквозь сон рванёшься ты померяться с судьбою
И подчинить её движению строки –
И отступаешь вдруг сама перед собою,
В бессильной ярости сжимая кулаки.

Строка зовёт на бой, и ты готова к бою,
Всем унижениям и страхам вопреки,
И отступаешь вдруг сама перед собою,
В бессильной ярости сжимая кулаки.

Твоя душа мертва. Смятенье бесполезно.
Зачем проснулась ты? Твоя душа мертва.
Смирись перед немой, перед последней бездной, –

Для сердца легче смерть, чем мёртвые слова.
Утешься, – над твоей могилою безвестной
И ветер будет петь, и шелестеть трава.

1964

Лариса Патракова

Отцу Вячеславу

Неисчерпаемая тайна
Открытой книги бытия.
Нет изощрённей испытанья:
Смысл букв не постигаю я.
Так откровенно безразличны
К моей тоске: проникнуть в суть.
Надменны, холодны, безличны –
Какую боль они несут!
Я чую тайну: есть приметы,
Но угадать мне не дано.
И в толкованьях нет ответа,
И в собственной душе темно...
Я мучаюсь, но дух над бездной
Сознанья моего парит,

И носится, и в корень зрит,
И верует: не бесполезно!

Лариса Миллер

Когда звучала сонатина,
Казалось, в мире всё едино
И нет начала и конца –
Лишь золотая середина.
Слетали звуки, как пыльца
Летит весной с ветвей ольховых.
И таял звук, рождая новый,
Неповторимый. И финал
Казался не прощальным зовом,
А провозвестником начал.
Так, силой звуков, тоник, пауз
Был побеждён вселенский хаос,
Всё, что веками намело,
Всё, от чего душа спасалась,
Стремясь укрыться под крыло.
Так победил однажды гений.
И всё же плод его борений,
Его прозренья сладкий плод
Нас не избавит от мучений,
От тяжких бдений не спасёт.
Прозренья Моцарта и Грига
Нам не поможет сбросить ига.
И чтобы озарился путь
Должны мы собственную лигу
От мига к мигу протянуть.

1975

Выпуск № 621

Осип Мандельштам

Паденье – неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.
Кто камни нам бросает с высоты,
И камень отрицает иго праха?

И деревянной поступью монаха
Мощёный двор когда-то мерил ты:
Булыжники и грубые мечты –
В них жажда смерти и тоска размаха!

Так проклят будь готический приют,
Где потолком входящий обморочен
И в очаге весёлых дров не жгут.

Немногие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен –
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!

1912

Лариса Патракова

Держись Горы. Всё остальное ложь.
И никому не пережить печали:
Плыть океаном, к берегу причалить,
И сам себе навстречу ты идёшь.

Держись Горы. Всё остальное сон,
Запутанный, извилистый, угрюмый,
В нём вместо песни кровоточат думы
И безразлично, кончится ли он.

Держись Горы. Всё остальное прах.
Всё, чем как будто обладал однажды,
Всё, кроме Слова, станет пылью влажной,
Держись Горы, незримой в небесах.

Анна Ахматова

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, всегда в своих путях уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

1912

Выпуск № 682

Бахыт Кенжеев

Куда плывёт громоздким кораблём
летучий град в бессоннице осенней?
То в дерево, то в озеро влюблён,
небритый мой зеркальный собеседник
по-рыбьи раскрывает чёрный рот –
а я молчу и глаз не подымаю.
Так беззаботно радио поёт.
А у него мелодия немая
на языке, и в горле белена –
корабль плывёт, сирены молодые
сидят на мачтах, жизнь ещё влажна,
ещё легка, ещё она – впервые...

Не за горами ранняя зима.
Рассеется туман, сгустится иней.
Один умрёт, другой сойдёт с ума,
как мотылёк в бесхозной паутине,
И человек вздыхает, замерев.
Давно ему грозит зима другая,
все дни его и годы нараспев
на музыку свою перелагая.
А из краёв, где жаркий водород

шлёт луч на землю в реках и могилах,
глядит Господь – жалеет, слёзы льёт,
одна беда – помочь ему не в силах.

Лариса Патракова

Сумасшедшая даль от сознания собственной силы
Распахнула себя и цедила рассеянный свет,
Даже небо и наши молитвы в него – поглотила,
Только даль без предела, а нас до отчаянья нет.

Как себя сохранить среди этой распахнутой выси,
Как себя уберечь от раскинутых этих высот,
Когда ты от черты горизонта так страшно зависим,
Что тебя никакое желанье дойти – не спасёт.

Сумасшедшая даль от сознания собственной силы
Не давала покоя, вбирая в себя всё подряд...
Даже небо и наши молитвы в него – поглотила –
За чертой горизонта нездешние звёзды горят.

Выпуск № 232

Лариса Патракова

Нике Турбиной

Откуда эта мудрая печаль?..
Стих плакальщиц, замороженных плачем,
Всегда итог: не различить начал...
Пошли, Господь, тебе во всём удачу.

Слова растут неслышно, как трава,
Которую посеял ветер знойный...
Душа твоя в неведение права,
Пошли, Господь, тебе судьбы достойной.

У тайны нет начала, но конец
Так часто и печально так известен...
Да не убьют тебя приливы песен,
В крови твоей не замолчит скворец...

Максимилиан Волошин

Склоняясь ниц, овеян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натёртые полынью,
 О мать земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
 Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
 Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога
 Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
 Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли –
 Благодарю!

1910

Выпуск № 500

Давид Самойлов

Вдохновенье

Жду, как заваленный в забое,
Что стих пробьётся в жизнь мою.
Бью в это тёмное, рябое,
В слепое, в каменное бью.

Прислушиваюсь: не слышать ли,
Что пробиваются ко мне.
Но это только капли, капли
Скользят по каменной стене.

Жду, как заваленный в забое,
Долблю железную руду, –
Не пробивается ль живое
Навстречу моему труду?..

Жду исступлённо и устало,
Бью в камень медленно и зло...
О, только бы оно пришло!
О, только бы не опоздало!

Арсений Тарковский

Дерево Жанны

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна Д'Арк.
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
И всё уже давным-давно звучит,
И кажется – финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелёно-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, – я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец –
Молчи! Молчи!

И всё, чем смерть жива

И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть – в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идёт по кругу
Спокойно, отчуждённо, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, – какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнём горишь в рубахе не по росту.

1959

Вероника Тушнова

Человек живёт совсем немного –
несколько десятков лет и зим,
каждый шаг отмеривая строго
сердцем человеческим своим.
Льются реки, плещут волны света,
облака похожи на ягнят...
Травы, шелестящие от ветра,
полчищами поймы полонят.
Выбегает из побегов хилых
сильная блестящая листва,
плачут и смеются на могилах
новые живые существа.
Вспыхивают и сгорают маки.
Истлевает дочерна трава...
В мёртвых книгах
крохотные знаки
собраны в бессмертные слова.

1965

Выпуск № 159

Давид Самойлов

Ночной гость

Чаадаев, помнишь ли былое?

А. Пушкин

Наконец я познал свободу.
Всё равно, какую погоду
За окном предвещает ночь.

Дом по крышу снегом укутан.
И каким-то новым уютом
Овевает его метель.

Спят все чада мои и други.
Где-то спят лесные пичуги.
Красногорские рощи спят.

Анна спит. Её сновиденья
Так ясны, что слышится пенье
И разумный их разговор.

Молодой поэт Улялюмов
Сел писать. Потом, передумав,
Тоже спит – ладонь под щекой.

Словом, спят все шумы и звуки,
Губы, головы, щёки, руки,
Облака, сады и снега.

Спят каминны, соборы, псалмы,
Спят шандалы, как написал бы
Замечательный лирик Н.

Спят все чада мои и други.
Хорошо, что юные вьюги
К нам летят из дальней округи,
Как стеклянные бубенцы.

Было, видно, около часа.
Кто-то вдруг ко мне постучался.
Незнакомец стоял в дверях.

Он вошёл, похож на Алеко.
Где-то этого человека
Я встречал. А может быть – нет.

Я услышал: всхлипнула тройка
Бубенцами. Звякнула бойко
И опять унеслась в снега.

Я сказал: – Прошу! Ради Бога!
Не трудна ли была дорога? –
Он ответил: – Ах, пустяки!

И не надо думать о чуде.
Ведь напрасно делятся люди
На усопших и на живых.

Мне забавно времён смешенье.
Ведь любое наше свершенье
Независимо от времён.

Я ответил: – Может, вы правы,
Но сильнее нету отравы,
Чем привязанность к бытию.

Мы уже дошли до буколик,
Ибо путь наш был слишком горек,
И ужасен с временем спор.

Но есть дней и садов здоровье,
И поэтому я с любовью
Размышляю о том, что есть.

Ничего не прошу у века,
Кроме звания человека,
А бессмертье и так дано.

Если речь идёт лишь об этом,
То не стоило быть поэтом.
Жаль, что это мне суждено.

Он ответил: – Да, хорошо вам
Жить при этом мненье готовом,
Не познав сумы и тюрьмы.

Неужели возврат к истокам
Может стать последним итогом
И поить сердца и умы?

Не напрасно ли мы возносим
Силу песен, мудрость ремёсел,
Старых празднеств брагу и сыть?
Я не ведаю, как нам быть.

Длилась ночь, пока мы молчали.
Наконец вдали прокричали
Предрассветные петухи.

Гость мой спал, утопая в кресле.
Спали степи, разьезды, рельсы,
Дымы, улицы и дома.

Улялюмов на жестком ложе
Прошептал, терзаясь: – О Боже!
И добавил: – Ах, пустяки!

Наконец сновиденья Анны
Задремали, стали туманны,
Растеклись по глади реки.

Лариса Патракова

На перекрёстке дара и судьбы
Однажды, белой ночью, в час невнятный,
Крылатый повстречался человек...

Он, как и я, был полон ожиданьем,
Хотя и знал давно свою дорогу.
А я брела окольной тропой,
Ориентиров вечных не теряя,
И встречи нам ничто не обещало...
Но две звезды уже дышали в небе,
И два огня плясали за рекой.
И песни две слились в единый голос,
И тропы наши с ним не разошлись...
Два самых одиноких существа во всей вселенной,
Мы не смели друг другу рук озябших протянуть,
Хотя и билось между нами пламя:

Живой огонь, как пёс, кидался в ноги,
Лизал в плечо и норовил в уста...
Но сквозняком тянуло невозможным
Из всех далёких уголков вселенной...
Он без меня погибнет – это ясно.
Я напишу стихи – жива останусь,
А может, он спасён, а я погибла?
Так и стоим: и разойтись не смеем,
И рук друг другу нам не протянуть...
О чём мне Господа просить – не знаю,
И в этом я опять грешнее всех.